

Алистер Маклин

НОЧИ НЕТ КОНЦА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 15

Alistair MacLean

NIGHT WITHOUT END

First published in Great Britain by Collins 1959

Copyright © HarperCollinsPublishers 1959

ICE STATION ZEBRA

First published in Great Britain by Collins 1963

Copyright © HarperCollinsPublishers 1963

BEAR ISLAND

First published in Great Britain by William Collins Sons & Co. Ltd 1971

Copyright © HarperCollinsPublishers 1971

ATHABASCA

First published in Great Britain by William Collins Sons & Co. Ltd 1980

Copyright © HarperCollinsPublishers 1980

Alistair MacLean asserts the moral right to be identified as the author
of these works

All rights reserved

Перевод с английского

Виктора Кузнецова, Жанны Катковник

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки и иллюстрация на обложке

Егора Саламашенко

Карты и схема выполнены Юлией Каташинской.

© В. В. Кузнецов (наследник), перевод, 1992, 1996

© Ж. Я. Катковник, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2024

Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25746-7

НОЧИ НЕТ КОНЦА

ГЛАВА 1

Понедельник, полночь

Как всегда, первым сообщил новость Джек Соломинка, он же Джекстроу. Наш эскимос отличался не только феноменальным зрением, но и превосходным слухом. Руки у меня озябли (я попеременно держал в них книгу), поэтому, застегнув спальник до подбородка, я стал наблюдать за приятелем. Джекстроу был занят тем, что вырезал какие-то фигурки из бивня нарвала. Неожиданно он застыл как изваяние. Неторопливо опустил кусок бивня в стоявший на камельке кофейник (любители экзотики платили бешеные деньги за такого рода поделки, изготовленные, по их убеждению, из бивня мамонта), поднялся и приложил ухо к вентиляционному отверстию.

— Самолет, — определил он почти мгновенно.

— Какой еще там, к черту, самолет. — Я пристально взглянул на говорившего. — Джек Соломинка, опять ты метилового спирта нализался!

— Да что вы, доктор Мейсон. — Голубые глаза, так мало сочетавшиеся со смуглой кожей и широкими скулами эскимоса, сощурились в улыбке. Ничего крепче кофе Джекстроу не употреблял, о чем было известно нам обоим. — Слышу отчетливо. Подойдите, убедитесь сами.

— Ну уж нет.

Чтобы растопить иней в спальнике, мне понадобилось целых пятнадцать минут, и я только-только начал согреваться. Да и появление самолета над богом забытым ледовым плато казалось мне невероятным. За четыре месяца существования нашей станции, созданной в рамках программы Международного геофизического года, это был первый, к тому же косвенный, контакт с внешним миром и оказавшейся за тридцать земель от нас цивилизацией. Какой будет прок экипажу самолета или мне самому, если я снова поморожу ноги? Откинувшись на спину, я взглянул на матовые окна, как всегда покрытые инеем и слоем снега, и посмотрел на Джосса, лондонского

пролетария, выполнявшего у нас обязанности радиста, — он тревожно ворочался во сне. Затем я вновь перевел взгляд на Джекстроу.

— Гудит?

— Гул усиливается, доктор Мейсон. Усиливается и приближается.

«Откуда взялся этот самолет?» — подумал я с досадой: не хотелось, чтобы кто-то вторгнулся в наш тесный, сплоченный мирок. Наверное, самолет службы погоды из Туле. Хотя вряд ли. До Туле целых шестьсот миль, мы сами трижды в сутки посылаем туда метеосводки. Возможно, это бомбардировщик стратегической авиации, совершающий полет с целью проверки американской системы дальнего радиолокационного обнаружения. Или авиалайнер, прокладывающий новый трансполярный маршрут. А может, даже самолет с базы в Годхавне...

— Доктор Мейсон! — В голосе Джекстроу прозвучала озабоченность. — По-моему, с ним что-то случилось. Он кружится над нами и постепенно снижается. Это большой самолет, многомоторный. Точно!

— Проклятие! — рассердился я.

Протянув руку, я надел шелковые перчатки, висевшие у изголовья. Растегнул молнию на спальнике и выругался, когда мое тело обдало морозным воздухом.

Я разделся всего полчаса назад, но одежда уже стала жесткой, негнушейся и страшно холодной. В тот день — редкий случай — температура в нашем жилище поднялась чуть выше точки замерзания. Но я все-таки натянул на себя теплое белье, шерстяную рубашку, брюки, шерстяную пару на шелковой подкладке, две пары носков и фетровые боты. На это ушло всего полминуты. Находясь на широте 72°40' на ледяном плато Гренландии, поднявшемся на восемь тысяч футов над уровнем моря, невольно научишься поторапливаться. Я направился в тот угол нашей берлоги, где спал радист. Из приоткрытого спальника торчал только его нос.

— Просыпайся, Джосс.

Я тряс спящего до тех пор, пока из спального мешка не высунулась рука. Капюшон откинулся, и показалась темноволосая всклокоченная голова.

— Вставай, приятель. Можешь нам понадобиться.

— Что стряслось? — произнес он, протирая заспанные глаза, и посмотрел на хронометр, висевший у него над головой. — Двенадцать часов! Всего тридцать минут спал.

— Знаю. Ты уж извини. Только шевелись.

Обойдя передатчик фирмы RCA и печку, я остановился у стола с приборами. Судя по их показаниям, ветер дул с ост-норд-оста со

скоростью пятнадцать узлов, что составляет почти семнадцать миль в час. В ту ночь, когда кристаллы льда и поземка, несшаяся с ледяного щита, замедляли вращение чашек анемометра, истинная скорость ветра была, пожалуй, раза в полтора выше. Перо самописца вычерчивало ровную линию, держась у отметки минус 40 градусов по Цельсию. Я представил себе эту адскую комбинацию — лютая стужа и вдобавок сильный ветер, — и по спине у меня побежали мурашки.

Джекстроу молча облачался в меховую одежду. По его примеру я надел штаны из меха карибу и парку с капюшоном, отороченным мехом северного оленя. Наряд этот был изготовлен умелыми руками жены Джекстроу. Потом натянул сапоги из тюленьей шкуры, шерстяные перчатки и рукавицы из оленьего меха. Теперь и я, как, похоже, и Джосс, явственно слышал гул моторов. Ровный гул авиационных двигателей заглушал даже бешеный треск чашек анемометра.

— Да это... да это же самолет! — удивленно проговорил Джосс.

— А ты думал, столь любезный твоему сердцу лондонский двухъярусный автобус? — Надев на шею снежную маску и защитные очки, я достал из-за печки фонарь: там мы хранили его для того, чтобы не заморозить сухие элементы. — Кружит над нами уже две или три минуты. Джекстроу считает, что он терпит бедствие. Я тоже так думаю.

Джосс прислушался.

— По-моему, моторы у него в исправности.

— И по-моему. Но помимо неисправности двигателя, может существовать десяток других причин для аварии.

— Но что ему тут нужно?

— А бес его знает. Может, наши огни заметил. Других, насколько мне известно, на участке площадью пятьдесят тысяч квадратных миль не предвидится. И если командиру самолета, не дай бог, придется сделать вынужденную посадку, единственный его шанс на спасение — оказаться поблизости от жилья.

— Помогай им бог, — озабоченно проговорил Джосс.

Он сказал что-то еще, но я уже торопился выбраться наружу.

Выйти из нашего жилища можно было через особый лаз. Сборный дом, доставленный на тракторных санях от побережья еще в июле, был опущен в углубление, вырубленное в леднике, так что над поверхностью возвышалось всего несколько дюймов плоской крыши. Чтобы добраться до лаза и крышки, которая открывалась как внутрь, так и наружу, следовало подняться по крутой лесенке.

Поднявшись на первые две ступеньки, я снял со стены деревянный молоток и принялся колотить по краям прихваченной льдом

крышки, закрывавшей лаз. Такая процедура повторялась всякий раз после того, как люк открывался хотя бы на самое непродолжительное время. Теплый воздух, скопившийся наверху, просачивался наружу и растапливал снег, который тотчас превращался в лед, едва люк закрывался.

На этот раз лед удалось отбить без труда. Упершись снизу плечом, я поднял крышку, покрытую слоем снега, и вылез наружу.

Граничащее с отчаянием чувство, которое испытываешь, когда задыхаешься, ощущая, как вырывается из груди теплый воздух, отсасываемый мертвящей стужей словно насосом, было мне знакомо. Но в тот день все обстояло гораздо хуже. Я даже не представлял себе, насколько велика скорость ветра. Согнувшись пополам и отчаянно кашляя, я делал неглубокие вдохи, чтобы не поморозить легкие. Стоя спиной к ветру, я согрел дыханием оленьи рукавицы, надел снежную маску и защитные очки и выпрямился. Джекстроу оказался рядом со мною.

Ветер, дувший над ледяным щитом Гренландии, никогда не выл и не взвизгивал. Издаваемый им звук походил на стон, жалобные причитания, реквием по душе, испытывающей адские мучения. От такого стога люди сходят с ума. Два месяца назад мне пришлось отправить на базу в Уплавник нашего тракториста. Мальчишка сломался и утратил всякую связь с действительностью. Ветер сделал свое дело.

В ту ночь стенания его периодически то усиливались, то ослабевали. Такой перепад тональности бывал очень редко. К стогам ветра прибавлялся дикий свист его в оттяжках радиоантенны и укрытиях для метеоаппаратуры. Но у меня не было желания внимать этой погребальной музыке, да и не она громче всего слышалась в ту ночь.

Пульсирующий гул мощных авиационных двигателей, становившийся то громче, то тише, словно волны прибоя, звучал совсем рядом. Машина находилась с наветренной стороны от нас. Мы повернулись туда, но ничего не увидели. Хотя небо было затянуто облаками, снег не шел. Странное дело, но сильных снегопадов в Гренландии почти не бывает.

Из крошечной тьмы неслись, подхваченные ветром, мириады ледяных иголок. Они прилипали к защитным очкам, впивались в открытые участки лица, словно рой разъяренных ос. Острая боль тут же стихала под новыми уколами, действовавшими как анестезирующее средство.

Я по себе знал, что это не предвещает ничего хорошего. Повернувшись спиной к ветру, я принялся растирать рукавицами онемев-

шую кожу до тех пор, пока не восстановилось кровообращение. Потом подтянул снежную маску повыше.

Самолет кружил против часовой стрелки. Похоже, он описывал эллипс: когда машина поворачивала на юг и на запад, гул моторов становился несколько тише. Но спустя тридцать секунд самолет снова приближался с оглушительным ревом и поворачивал на юго-запад. Тогда он оказывался с подветренной от нас стороны. Судя по восклицанию, Джекстроу увидел самолет в то же самое время, что и я.

Машина находилась ближе чем в миле от нас, на высоте не более пятисот футов над поверхностью ледяного плато. Хотя в поле зрения она была всего пять секунд, у меня пересохло во рту, а сердце бешено заколотилось.

Нет, это был не бомбардировщик дальнего действия и не самолет метеослужбы с базы в Туле, экипажи которых обучены для тяжелой работы в суровых условиях Арктики. Судя по множеству ярко освещенных иллюминаторов, это был авиалайнер, совершающий трансатлантический или трансполярный рейс.

— Видели, доктор Мейсон? — приблизив лицо к моему уху, прокричал Джекстроу.

— Видел, — протянул я, не найдя, что сказать.

Я представил себе, что творится в салоне самолета, где находятся пассажиры. Господи, сколько их, пятьдесят, семьдесят? Вот они сидят в своих удобных креслах, в тепле и уюте. И вдруг удар, жуткий скрежет и скрип. Тонкая оболочка авиалайнера вспорота во всю длину, и в салон, словно приливная волна, устремляется масса ледяного воздуха. Возникает перепад температур в шестьдесят градусов, а ошеломленные, искалеченные, потерявшие сознание и умирающие люди в изуродованных креслах — в одних лишь костюмах и платьях...

Описав круг, самолет летел в нашу сторону. На этот раз он еще больше приблизился к нам, снизившись по крайней мере футов на сто, и, похоже, потерял скорость. Она составляла сто двадцать — сто тридцать миль в час. Я не специалист в этой области, но мне показалось, что огромная машина летит с опасно малой скоростью. «Достаточно ли надежно работают у него стеклоочистители, удаляющие иголки, которые залепают ветровое стекло?» — невольно подумал я.

Но тут же позабыл обо всем, кроме одного: самолету нужно увеличить скорость. Прежде чем он снова повернул на восток и мы потеряли его из поля зрения, нам показалось, будто авиалайнер клюнул носом. В то же мгновение в темноту уперлись два ярких снопа света. Один из них, узкий луч, направленный вперед, выхватил из

мрака миллионы сверкающих, как алмазы, крохотных льдинок. Другой — в виде веера — был направлен вниз по курсу воздушного корабля и походил на блуждающий огонек, освещающий покрытую снегом поверхность ледяного плато. Схватив Джекстроу за руку, я крикнул ему в ухо:

— Он сейчас приземлится! Площадку высматривает. Выводи собак, готовь нарты. — У нас был трактор, но в такую стужу бог знает сколько пришлось бы повозиться, чтобы запустить его. — Постарайся помочь тебе.

Кивнув головой, Джекстроу повернулся и мгновенно растворился во мраке. Я тоже повернулся, собираясь последовать его примеру, как вдруг ударился лицом о метеобудку. Выругавшись, бросился к люку. Едва касаясь ступенек, спустился вниз. Джосс уже облачился в меха, лишь капюшон парки был откинут на плечи. Нагрузившись снаряжением, он шел с той стороны нашего барака, где хранились продовольствие и топливо.

— Захвати с собой как можно больше теплой одежды, Джосс, — торопливо проговорил я, лихорадочно вспоминая, не забыл ли чего. Но в стужу, от которой коченело не только тело, но и мозг, сделать это было непросто. — Спальники, одеяла, куртки, рубахи. Все равно чьи. Запихай их в пару джутовых мешков.

— Думаете, они приземлятся, сэр? — На худощавом умном лице отразились любопытство, тревога, страх. — Неужели правда?

— Во всяком случае, попытаются. Что у тебя там?

— Осветительные ракеты, две штуки. — Он положил свою ношу у печки. — Надеюсь, они в исправности.

— Молодчина. Прихвати с собой еще парочку тракторных огнетушителей. Типа «Нью-Суифт-Дж-1000». — Хотя вряд ли будет какой-то прок от этих игрушек, если вспыхнет несколько тысяч галлонов бензина, на ходу соображал я. — Возьми пожарные топоры, ломы, вехи, катушку с тросом и аккумулятор для фары-искателя. Да укутай его как следует.

— Бинты взять?

— Ни к чему. При сорокаградусном морозе кровь тотчас замерзает, так что бинты не потребуются. Но морфий и шприцы захвати. Вода в этих ведрах есть?

— Оба ведра полные. Только льда в них больше, чем воды.

— Поставь их на печку. Да не забудь погасить ее и выключить свет, когда будешь уходить. — Странное дело, хотя именно огонь позволял нам выжить в Арктике, его-то мы и боялись пуще всего на свете. — Остальные вещи сложи у метеобудки.

При тусклом свете карманного фонаря я увидел Джекстроу возле укрытия для ездовых собак, сооруженного нами из пустых ящиков, закрытых старым брезентом. Эскимос вел на первый взгляд безнадежную борьбу со сворой рычащих, огрызающихся псов. Но на самом деле он отлично справлялся с ними и, отвязав четверых из них с привязи, успел поставить в упряжку.

— Как дела? — крикнул я.

— Все в порядке. — (Я представил его улыбку под снежной маской.) — Большинство собак запряг сонными. Очень помог мне Балто. Он страшно злой, когда его будят среди ночи.

Балто, вожак упряжки, огромный, весом в девяносто фунтов пес, помесь волка с сибирской лайкой, был прямым потомком своего знаменитого тезки, принадлежавшего Амундсену. Жуткой зимой 1925 года, когда бежавший за санями каюр ослеп, умный пес, несмотря на пургу и лютый мороз, привел упряжку в Ном, что на Аляске, с грузом вакцины. И жители города, в котором бушевала эпидемия дифтерита, были спасены. Балто нашего Джекстроу ни в чем не уступал своему прославленному родичу. Это был сильный, умный, преданный хозяину зверь, который время от времени показывал погонщику свои волчьи зубы. Как и подобает хорошему жожаку, он следил за дисциплиной и жестоко наказывал провинившихся. Именно так он и вел себя в ту минуту: скалил клыки, подталкивал и кусал неповоротливых и упрямых собак, в корне пресекая непослушание.

— Ну, занимайся своим делом. А я схожу за фонарем.

С этими словами я направился к высокому сугробу, находившемуся к западу от нашего жилища. Остановившись, прислушался. Слышны были лишь стенания ветра, несшегося над поверхностью ледника, да беспрестанный треск анемометра. Я повернулся к Джекстроу, пряча лицо от колючего ветра.

— Самолет... Ты слышишь самолет, Джекстроу? Сам я ничего не слышу.

Стадив с головы капюшон, Джекстроу выпрямился и приложил ладони к ушам. Мотнув головой, надел капюшон.

— Боже мой! — воскликнул я, поглядев на каюра. — Неужели они разбились?

Вместо ответа Джекстроу покачал головой.

— Почему же нет? — требовательно спросил я. — В такую ночь, да еще когда самолет находится с наветренной стороны, грохота и за полмили не услышишь, если он разобьется.

— Я бы почувствовал удар, доктор Мейсон.

Согласно кивнув, я промолчал. Конечно, Джекстроу прав. Твердая, как скала, поверхность ледника передает звуковые колебания,

словно камертон. В июле прошлого года мы явственно ощутили сотрясения, возникшие в семидесяти милях от нас, когда от глетчера оторвался айсберг и рухнул в воды фьорда. Не то пилот потерял ориентировку, не то, пытаясь вновь отыскать огни нашего лагеря, стал описывать круги большего диаметра... Во всяком случае, еще была надежда, что самолет цел и невредим.

Я поспешно направился к тому месту, где под прикрытием высокой снежной стены стоял зачехленный трактор. Удалив с одного края брезента снег, на что у меня ушло не больше двух минут, я юркнул под чехол. О том, чтобы поднять его, не было и речи: пропитанная маслом ткань промерзла и при малейшем усилии порвалась бы.

Фара-искатель, укрепленная на шпильках, приваренных к капоту трактора, удерживалась двумя барашками. Но в здешних широтах отвинтить их было не так-то просто: стоило начать откручивать их, как они тотчас ломались. Поэтому приходилось снимать рукавицы и, оставшись в одних перчатках, согреть гайки теплом своих ладоней. В ту ночь у меня на это не было времени. Достав из ящика с инструментами разводной ключ, я ударил по шпилькам, ставшим от холода хрупкими, как чугун, и они мгновенно сломались.

Я выполз из-под брезента, держа под мышкой фару-искатель, и тотчас услышал быстро приближающийся рев авиационных двигателей. Судя по звуку, самолет находился совсем рядом, но я не стал терять время на его поиски, а, нагнув голову, чтобы уберечь лицо от острых ледяных иголок, чуть ли не на ощупь добрался до нашего жилища. Джекстроу протянул мне руку. Они с Джоссом, погрузив кладь, уже привязывали ее к нартам. Когда я наклонился, чтобы помочь, над головой у меня с шипением взвилась ракета, осветившая ярким пламенем белый снег, на фоне которого возникли черные тени. Совсем забыв, что, потушив свет в нашем укрытии, мы лишили пилота ориентира, я зажег фальшфейер и укрепил его на метеобудке.

Мы разом повернулись к югу и снова увидели самолет. Нам тотчас стала ясна причина, по которой мы его столько времени не могли обнаружить. Командир самолета, по-видимому, описал восьмерку, и теперь самолет летел с востока на запад. Хотя машина находилась на высоте менее двухсот футов, шасси по-прежнему не было выпущено. Похожая на огромную птицу, она пронеслась в каких-то двухстах ярдах от нас. Обе посадочные фары были направлены вниз. В свете их лучей, точно в калейдоскопе, мельтешили наполнявшие мрак ледяные иголки. Яркие пятна мчались одно за другим по заснеженной поверхности льда. Затем эти пятна, увеличившиеся в размерах, но потускневшие, повернули куда-то налево в ту самую минуту, как

самолет, круто накренившись направо, полетел по часовой стрелке на север. Поняв намерения пилота, я стиснул кулаки, не в силах ничем помочь.

— Антенна! — крикнул я. — Поезжай вдоль антенны.

Я наклонился и подтолкнул нарты в ту самую секунду, когда Джекстроу прикрикнул на вожака упряжки. Подойдя вплотную ко мне, Джосс спросил:

— В чем дело? Почему мы...

— Он приземляется. Я уверен. К северу от нас.

— К северу? — Несмотря на снежную маску, в голосе его прозвучал ужас. — Он же погибнет. И всех пассажиров погубит. Там торосы...

— Знаю.

Поверхность ледника в северо-восточном направлении была неровной, изрезанной. Под воздействием неведомых сил она покрылась множеством торосов высотой десять—двадцать футов. Такой участок был единственным на расстоянии ста миль.

— Пилот все-таки решил садиться. На брюхо, с убранным шасси. Вот почему он изменил направление движения. Он намерен приземлиться против ветра, чтобы максимально уменьшить скорость посадки.

— Мог бы приземлиться и южнее. Ведь там поверхность ровная, как бильярдный стол.

В голосе Джосса слышались нотки отчаяния.

— Мог, но не захотел, — прокричал я в ухо радисту. — Его на мякине не проведешь. Соображает, что, если посадит машину с подветренной стороны от нашего лагеря, даже в сотне ярдов, в такую погоду у него не останется практически никаких шансов обнаружить наши огни, наше жилье. Ему приходится садиться против ветра. У него нет иного выбора.

Мы долгое время молчали, с трудом преодолевая сопротивление ветра, полного колючих ледяных игл. Джосс снова придвинулся ко мне.

— Может, он успеет заметить торосы. Может, сумеет...

— Ничего он не успеет, — грубо оборвал я товарища. — Видимость у него не более сотни ярдов.

Покрытая инеем и ставшая раз в пятьдесят толще обыкновенного радиоантенна, протянувшаяся на двести пятьдесят футов к северу, сильно провисла и теперь раскачивалась, словно маятник, на столбах высотой четырнадцать футов, установленных попарно. Мы двигались вдоль антенны почти на ощупь. Немного не дойдя до крайней

пары столбов, мы слышали, как прежде ослабленный ветром гул моторов вдруг превратился в оглушительный рев. Едва успев предупредить своих спутников, я ничком упал на наст. Огромный силуэт авиалайнера, мне показалось, пронесся у нас над самой головой, хотя впоследствии выяснилось, что мачты, на которых была укреплена антенна, остались целы.

Не соображая, что делаю, я тут же вскочил на ноги, чтобы определить, куда умчался самолет, но в то же мгновение полетел вверх тормашками по насту. Подхваченный мощным вихрем четырех воздушных винтов, я очутился футах в двадцати от места, на котором только что находился. Весь в ушибах, бранясь на чем свет стоит, я снова вскочил на ноги и, не успев прийти в себя, двинулся в ту сторону, откуда доносился встревоженный и перепуганный лай собак. Внезапно рев моторов стих: самолет садился.

Всем телом я ощутил мощный толчок и понял, что посадка оказалась неудачной. Похоже, что пилот переоценил высоту. От такого удара может сжать в гармошку фюзеляж, и от машины останутся одни обломки.

Но случилось иное. Я снова прижался к поверхности ледника и не то услышал, не то почувствовал вибрацию и какое-то шипение. Оно продолжалось шесть—восемь секунд. Видно, это изувеченный фюзеляж бороздил ледяную поверхность. Затем до меня донесся другой, еще более громкий звук, заглушивший свист ветра. Это был скрежет деформирующегося металла. Потом наступила тишина — глубокая и зловещая, которую не в силах был нарушить вой пурги.

Я с трудом встал на ноги. И тотчас заметил, что потерял снежную маску. Очевидно, ее сорвало с меня, когда я летел кубарем, подхваченный воздушной струей. Вытащив фонарь из-под парки — я держал его там, чтобы не разрядить батарейку, — я осветил кругом. Однако маски не обнаружил: ветром ее могло унести и за сотню футов. Худо дело, но ничего не попишешь. Не хотелось думать о том, во что превратится моя физиономия, когда я вернусь в нашу берлогу.

Джосс и Джекстроу все еще пытались утихомирить собак.

— С вами все в порядке, сэр? — спросил Джосс, когда я подошел к ним, и тут же воскликнул: — Господи, да вы без маски!

— Я знаю. Пустяки. — Но это были не пустяки: при каждом вдохе я чувствовал жжение в гортани и легких. — Ты заметил, где сел самолет?

— Приблизительно. Пожалуй, к востоку от нас.

— Джекстроу?

— По-моему, чуть севернее.

Вытянув руку, он показал в ту сторону, откуда дул ветер.

— Пойдем точно на восток. — Ведь кому-то надо было принимать решение, пусть даже ошибочное. Вполне вероятно, что ошибку совершу я. — Пойдем на восток. Джосс, какая длина троса на этой катушке?

— Ярдов четыреста.

— Хорошо. Пройдем четыреста ярдов, затем повернем точно на север. Наверняка на снегу остались следы. Если нам повезет, то мы их обнаружим. Дай-то бог, чтобы самолет приземлился не дальше четырехсот ярдов отсюда.

Подойдя к ближайшей мачте, я удалил с нее похожие на длинные перья кристаллы инея и привязал к ней конец троса. Привязал прочно. Ведь от этого троса зависела наша жизнь: без него в такую темную, штормовую ночь мы не смогли бы вернуться назад. Отыскать свои собственные следы нам бы не удалось: поверхность ледника настолько тверда, что даже пятитонный трактор оставил на ней лишь едва заметные вмятины.

Мы двинулись в путь. Ветер дул нам почти прямо в лицо. Первым шел я, за мной — Джекстроу с собачьей упряжкой, замыкающим был Джосс. Преодолевая сопротивление возвратной пружины, он разматывал катушку с тросом. Оставшись без снежной маски, я задышался. Горло жгло огнем, лицо мерзло от ледяного ветра, и разум отказывался повиноваться. Хотя я и пытался защитить рукой рот и нос и делал неглубокие вдохи, легкие мои разрывал мучительный кашель.

Хуже всего было то, что я задышался. Мы бежали изо всех сил по гладкой поверхности льда в громоздкой полярной одежде, отдавая себе отчет в том, что от нашей скорости зависят жизнь и смерть полураздетых людей, очутившихся на морозе. Возможно, самолет развалился на части и оставшихся в живых пассажиров выбросило на лед. Только вряд ли кто-нибудь из них уцелел. У человека, испытавшего перепад температур свыше шестидесяти градусов, не выдерживает сердце, или же пять минут спустя он умирает от переохлаждения. Возможно, все, кто находился в самолете, очутились в ловушке и, не в силах оттуда выбраться, замерзают с каждой минутой. Как до них добраться? Как доставить их к нам в лагерь? Ведь только у тех нескольких человек, которых мы эвакуируем первыми, есть хоть какая-то надежда на спасение. Даже если мы перевезем всех к себе на станцию, чем их кормить? Съестных припасов у нас до жути мало. Да и где разместить всю эту уйму народа?

Резкий крик Джекстроу застал меня врасплох, и я едва не упал. Я оглянулся: ко мне бежал Джосс.

— Трос кончился? — спросил я.

Он кивнул и, направив луч фонаря мне в глаза, прокричал:

— У вас нос и щека обморожены!

Сняв рукавицы, я остался в перчатках и начал растирать лицо до тех пор, пока не почувствовал, что кровообращение восстановилось. Потом из рук Джекстроу взял старую шерстяную фуфайку и обмотал ею лицо — какая-никакая, а защита.

Мы повернули на север. Теперь ветер дул нам в правую щеку. Пришлось пойти на риск: ведь мы не знали наверняка, что направление ветра осталось неизменным. Освещая фонарями дорогу, через каждые пятнадцать—двадцать футов мы останавливались и втыкали в звенящий лед заостренный бамбуковый шест. Мы прошли с полсотни ярдов, но ничего не обнаружили. Я уже начал подозревать, что мы проскочили западнее места приземления самолета, и стал ломать голову над тем, что делать дальше. Но в эту минуту мы угодили в выбоину глубиной восемнадцать дюймов и шириной десять футов. Эту выбоину, оставленную приземлившимся или разбившимся самолетом, мы обнаружили по чистой случайности. Западнее на поверхности почвы не было ни единого следа. Пройди мы в десяти футах левее, мы бы ее не заметили. Восточное же углубление плавно уменьшалось, а справа и слева от него возникли глубокие борозды, похожие на следы гигантских плугов. Очевидно, при ударе порвалась обшивка нижней части фюзеляжа. Было бы странно, если бы этого не произошло. Чуть подальше к востоку, вправо от основной борозды, мы заметили еще два параллельных углубления в снежном покрове ледника. Вмятины, ясное дело, были проделаны все еще вращавшимися винтами. Похоже, после соприкосновения с поверхностью самолет накренился вправо.

Я успел понять, что все произошло именно таким образом, обведя лучом фонаря полукруг. Я велел Джоссу принести еще одну охапку бамбуковых палок и прикрепить к ним трос, привязанный одним концом к мачте радиоантенны, а потом вернуться к нам. Иначе веревку замело бы через какие-то десять минут. Затем бросился за Джекстроу, мчавшимся со своей упряжкой по следу, оставленному потерпевшим аварию самолетом.

Ветер, который нес с собой тучи снежных частиц, усилился. Мы едва передвигались, наклоняясь вперед, чтобы устоять на ногах. Так мы прошли двести, затем триста ярдов и вдруг почти в четверти мили от того места, где авиалайнер коснулся земли, наткнулись на него. Машина остановилась поперек импровизированной посадочной полосы, но сохранила горизонтальное положение.

Хотя самолет сел на брюхо, не выпустив шасси, при тусклом свете фонаря он показался невероятно высоким и широким. И все же, несмотря на внушительные размеры, у авиалайнера был жалкий, пришибленный вид. Разумеется, впечатление было субъективным. Просто я понял, что этому искалеченному гиганту взлететь больше не суждено.

Не было слышно ни звука, не видно ни души. Лишь высоко над головой я заметил в иллюминаторе бледно-голубой огонек. Иных признаков жизни не было.

ГЛАВА 2

Понедельник, с 1 до 2 ночи

То, чего я больше всего боялся, не произошло: не видно было признаков пожара, не слышно зловещего потрескивания. Хотя возможно, что где-то внутри фюзеляжа или в крыльях язычок пламени лижет поверхность металла в поисках горючего или масла, чтобы превратиться во всепожирающее пламя. При таком ветре машина сгорела бы дотла. Однако опасения оказались напрасными: пилот, сохранивший присутствие духа и своевременно выключивший систему зажигания, перекрыл и топливные магистрали.

Подключив фару-искатель к аккумулятору, Джекстроу протянул мне лампу. Я нажал на выключатель. Тотчас вспыхнул узкий, но мощный луч, способный в нормальных условиях светить на шестьсот ярдов. Я направил луч направо, потом перед собой.

Какой краской покрашен самолет, определить было невозможно. Весь фюзеляж покрылся слоем льда, который в лучах прожектора сверкал, словно зеркало. Хвостовое оперение оказалось цело.

Зато обшивка фюзеляжа была повреждена на половину длины. Как раз напротив нас топорщились оторванные листы. Левое крыло приподнято градусов на пятьдесят, что я не сразу заметил. Из-за него мне не видно было переднюю часть машины, зато над ним и чуть ближе к хвосту я увидел нечто такое, что заставило меня забыть о людях, находившихся внутри.

Луч прожектора словно прилип, освещая отчетливые даже под слоем льда крупные буквы: ВОАС¹. ВОАС! Каким образом мог очутиться британский авиалайнер в здешних краях, было непостижимо. Я знал, что самолеты авиакомпаний ВОАС и KLM совершают

---

¹ ВОАС — British Overseas Airways Corporation — название авиакомпании (англ.).

трансарктические рейсы из Копенгагена и Амстердама в Виннипег, Лос-Анджелес и Ванкувер с посадкой в Сёндре-Стрёмфьорде, который находится в полутора часах лету к юго-западу от нас, на западном побережье Гренландии, прямо на Северном полярном круге. Мне хорошо было известно, что на том же маршруте работают самолеты компаний «Пан-Америкэн» и «Транс-Уорлд». Едва ли можно предположить, что из-за неблагоприятных условий один из самолетов этих компаний настолько удалился от привычной трассы. Если же это действительно авиалайнер компании ВОАС, то совершенно непонятно...

— Я нашел дверь, доктор Мейсон. — Джекстроу вывел меня из оцепенения, дернув за руку. Он ткнул пальцем в сторону большой овальной двери, нижний край которой находился на уровне наших глаз, и продолжил: — Может, попробуем?

Услышав звон двух ломов, которые погонщик поднял с саней, я кивнул. Попытка не пытка. Укрепив прожектор на подставке, я направил его на дверь, взял лом и засунул его в щель между нижним краем и фюзеляжем. Джекстроу последовал моему примеру. Мы дружно навалились на ломы, но безрезультатно. Повторили попытку еще и еще, повиснув в воздухе, однако дверь не поддавалась. Чтобы увеличить усилие, ухватились вдвоем за один лом. На сей раз дело пошло. Но, оказывается, не дверь стала поддаваться, а начал гнуться лом. В шести дюймах от конца он сломался с громким, как пистолетный выстрел, треском, и мы оба повалились на спину.

Время поджимало нас, и моя неосведомленность относительно устройства самолета не оправдывала меня. Я выругал себя за то, что потерял драгоценные минуты, пытаясь взломать массивную дверь, закрытую изнутри на прочные задрайки и способную выдержать нагрузку в тысячи фунтов на квадратный дюйм. Схватив фару-искатель и аккумулятор, я подлез под вздыбившуюся хвостовую часть и, преодолевая сопротивление ветра, начиненного снеговыми зарядами, двинулся к правому крылу. Конец его зарылся глубоко в наст, лопасти винтов отогнулись под прямым углом назад. Я было решил вскарабкаться наверх по крылу и разбить один из иллюминаторов, но спустя несколько секунд оставил попытку подняться по обледенелому металлу, да еще в такую пургу. Устоять на крыле было невозможно, да и сомнительно, чтобы мне удалось разбить один из иллюминаторов. Как и двери, они достаточно прочны.

Спотыкаясь и падая, мы обогнули утонувший в настe конец крыла и увидели торос. На него-то и наткнулся самолет. Высотой футов пятнадцать и шириной футов двадцать, он находился в прямоугольном треугольнике, образованном носовой частью фюзеляжа

и передней кромкой крыла. Однако сила удара пришлась не на коренную часть крыла. Достаточно было взглянуть на нос корабля, чтобы убедиться в этом. Должно быть, самолет ударился о торос правой стороной кабины пилотов: «фонарь» был разбит вдребезги, обшивка повреждена и вдавлена футов на шесть или семь. Что произошло с летчиком, сидевшим с этой стороны, нетрудно догадаться. Но мы, по крайней мере, сумеем проникнуть внутрь самолета.

Направив луч фары так, чтобы он освещал кабину пилотов, я прикинул расстояние до нижней кромки «фонаря» — оно составляло целых девять футов — и прыгнул, чтобы ухватиться за край ветрового стекла. Однако руки у меня начали скользить. Я уцепился за одну из стоек «фонаря», и тотчас в пальцы врезались обломки стекла. Если бы не Джекстроу, подхвативший меня, я бы сорвался. Опершись коленями о его плечи и держа в руке пожарный топор, минуты через две я удалил осколки стекла, оставшиеся у стоек и верхнего и нижнего края рамки. Я даже не ожидал, что авиационное стекло настолько прочно, и не предполагал, пролезая в своей громоздкой одежде через ветровое стекло, что оно такое узкое.

Я упал на человека. Хотя было темно, я понял, что он мертв. Сунув руку за пазуху, я достал фонарь, включил его на пару секунд и тотчас выключил. Это был второй пилот. Его расплющило между сиденьем и изуродованными рычагами, ручками управления и приборной доской. После того как я однажды очутился на месте дорож­ного происшествия (гоночный мотоцикл врезался в тяжелый грузовик), таких травм мне еще не доводилось видеть. Если кто-то из раненых, не успевших прийти в себя пассажиров уцелел, они не должны быть свидетелями столь жуткого зрелища.

Отвернувшись, я выглянул из окна кабины вниз, защищая ладонью глаза от острых ледяных колючек. Джекстроу смотрел на меня.

— Принеси одеяло, — крикнул я ему. — А еще лучше — тащи весь мешок. Медицинскую сумку с морфием захвати. Потом поднимайся ко мне.

Через двадцать секунд он вернулся. Поймав мешок и коробку с морфием, я положил их на изуродованный пол рядом с собой и протянул руку Джекстроу. Однако, в отличие от низкорослых и грузных гренландцев, мой приятель был самым ловким и подвижным человеком из всех, кого я знал. Он подпрыгнул, ухватился одной рукой за нижнюю кромку окна, а другой — за центральную стойку и с легкостью перебросил ноги и тело внутрь кабины.

Сунув ему в руки фонарь, я принялся рыться в мешке. Достал одеяло и закрыл им убитого, подоткнув края таким образом, чтобы его не сорвало ледяным ветром, гулявшим по изуродованной кабине.

Маклин А.

М 15 Ночи нет конца : романы / Алистер Маклин ; пер. с англ. В. Кузнецова, Ж. Катковник. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 832 с. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25746-7

Алистер Маклин (1922–1987) — британский писатель, автор 28 остро-сюжетных романов и приключенческих рассказов, сценарист. Его имя широко известно читателям всего мира. Книги Маклина разошлись тиражом более 150 миллионов экземпляров, по его романам, сценариям и сюжетам было снято 18 фильмов. В 1983 году Университет Глазго присвоил писателю степень доктора литературоведения.

С 1941 по 1946 год Маклин служил на флоте, принимал участие в военных операциях и полярных конвоях, что дало ему богатейший материал для творчества и определило тематику его лучших книг.

Настоящий сборник объединяет тема Арктики, и открывает его роман «Ночи нет конца». Авиалайнер терпит крушение в Гренландии. Сотрудники метеостанции спешат на помощь пассажирам, и обстоятельства катастрофы заставляют предположить, что среди выживших есть убийца...

С полярной станции в Ледовитом океане поступает сигнал бедствия, и в этот район направляется атомная субмарина («Дрейфующая станция „Зет“»). В ходе сложнейшей спасательной операции счет идет на часы...

На отдаленный остров в Баренцевом море везут съемочную группу, но сценарий для большинства остается тайной («Остров Медвежий»). Во время плавания внезапно умирает несколько человек, и возникает подозрение, что выбор жертв не случаен...

В романе «Атабаска» действие происходит на Аляске. Нефтяная компания получает анонимную угрозу саботажа, но расследование заходит в тупик...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

АЛИСТЕР МАКЛИН
НОЧИ НЕТ КОНЦА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Маргарита Ахметова, Ирина Игнатьева

Подписано в печать / Баспаға кол қойылды 05.07.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 50,96. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MPB-34721-01-R